

ГОНЧАР И ПОЭТ

Перед собранием народа
Читалась пафосная ода.
К любви поэт в ней призывал,
В азарте к небу вскинув руки.
Народ в ответ страдал от скуки
И беззастенчиво зевал,
Внимая лирике топорной,
От рифм хромых, метафор спорных,
Где шатких строк корявый слог
Рвал ткань стиха за клоком клок.
Терзало слух творенье это.
Взяв под сомненье дар поэта,
Всяк шёл за рубль серебра
Купить горшок у гончара.
Хоть из обычной глины слеплен,
Но был горшок великолепен.
Они у каждого встречались на столе.
Гостям в них вина подавали,
И знатоки их называли
Сонетами в гончарном ремесле.
А мысль поэта вслух роптала:
«За что молва предпочитала
Горшок творению пера?»
Был зол поэт на гончара.
А тот в ответ смеялся с чувством
И объяснял без лишних слов:
«Любое творчество – искусство
И в то же время – ремесло.
Чтоб слог твой был искусно связан,
Ты ремеслом владеть обязан».

ДВЕ ИСТИНЫ

Ходила истина по свету,
И кто встречал особу эту,
Тот до своих последних дней,
Шёл неотступно вслед за ней,
Её прельщённый чистотою.
Считалась истина святою,
И потому людей число
День ото дня вокруг росло.
И цель у всех была благая –
Чтоб рядом истина жила.
А между тем народу шла
Навстречу истина другая.
Святой считалась и она,
Людьми была окружена,
Что тоже к истине тянулись...
Святые истины столкнулись,
И все вокруг лишились сна.
Одни с другими спорить стали
Какая, в частности, верна?
Потом на стенку шла стена,
Чтоб с боем выяснить детали,
Когда иссяк запас речей,
И аргументы вышли в споре.

Различие всех святых теорий
В истолкованье мелочей.

ГРИБНИЦА

Дана всем поровну удача от судьбы.
Сумей–ка лишь воспользоваться этим.
Однажды ранним утром, на рассвете,
Отправилась девица по грибы.
А там, в лесу, нет времени для грусти:
Куда ни глянь, всё – рыжики да грузди.
Была девица норовом строга.
«А, ну! – кричит. – С дороги, мелюзга!
А то, едва лишь нацепили шляпы,
А к девушке протягивают лапы!»
И прочь пошла, лишь фыркнув зло.
Ей на грибы в тот день везло:
Встречались крупные и ростом невелички,
И белый гриб, и рыжие лисички,
И шампиньоны в шёлковом бельё,
Ей кланялись, как истый шевадьё.
Но всяк для ней был чем–то непригоден:
Толст боровик и в шляпе старомоден,
Лисичка – гриб был приторный на вкус,
А шампиньон, так вовсе не француз.
Пока перебирала и ершилась,
Пора ее грибная завершилась.
И возле пня, кряхтя, как старичок,
Торчал один лишь гриб–сморчок.
Тут молвит он: «Приветствую, подруга!
Бери меня, коль встретили друг друга!
Других не будет. Экие дела!»
Скривилась женщина, вздохнула... и взяла.
Под вечер одиночество – не манна,
Тут и сморчок обрадует порой.

Для женского последнего романа
Уже не важно, кто его герой.

МУХА

На томик Пушкина, распахнутый с утра,
Испачкав лапки в капельке чернила,
Слетела муха с кончика пера
И по странице вдоль засемила,
Для пущей важности жужжа на все лады.
За ней тянулись чернильные следы,
Меж строк стараясь втиснуться упорно,
Где памятник себе нерукотворно
Тому назад две сотни лет
Воздвиг в истории поэт.
А числиться у гения в знакомых
Как раз и есть инстинктом насекомых.
Влечёт талант, как лампа среди тьмы.
Чем ближе к свету, тем заметней мы.
Того как раз та муха и хотела,

И, наследив, поспешно улетела,
Жужжать большим и малым в ушки,
Мол, в книге рядом я и Пушкин.

Чтоб по бумаге перышком водить
Нуждаемся ль мы в творческой натуре?
Коль не оставил след в литературе,
Тогда в ней можно просто наследить.

ЛИС И БАРАНЫ

Крутую тропкою над яром
Вёл пастырь агнцев и ярок.
А по другой его конец –
Пастух баранов и овец.
Шли их стада когда-то рядом,
Да разошлись вожатых взгляды,
Хоть скажем так: из них любой
Вёл ту скотину на убой.
Шли врозь. Друг с другом не якшались,
Пока отары не смешались,
Как в мире люди разных стран.
Пойми, где агнец, где баран, –
Все на одно обличье стали.
И пастырь, и пастух устали,
Скликая сбившихся с пути.
А те не знают, с кем идти.
Пастух на пастыря похожий,
Да и кричат одно и то же.
На месте топчутся стада...
А мимо лис бежал тогда.
Кричат бараны: «Слышь-ка, рыжий!
За кем податься? Подскажи же!
Самим путь выбрать мудрено».
Лис отвечал без всякого желанья:

«Коль ты баран, не всё ль тебе равно,
Каким путём погонят на закланье?»

СВИНЬЯ И ПЕТУХ

Свинья в свинарнике обычном родилась.
А где ж ещё родятся свиньи?
Жила в грязи, с соседями дралась
За порцию отваренной ботвиньи.
Её судьба по молодости лет
Была сойти на дюжину котлет.
И та судьбы своей бы не минула,
Когда бы не вмешательство извне.
Фортуна раз в свинарник заглянула
И просто улыбнулась той свинье.
А для Фортуны нет ни званий, ни фамилий!

Свинью тотчас отмyli, подкормили,
Провозгласив под громкое «Ура!»
Мисс «Свинство» скотного двора.
Вот так свинье теперь досталось
Всё то, о чём и не мечталось.
Уж та теперь дорвалась до добра!
И золота набрав, и серебра,
Всё на себя напялив без разбора.
От гордости захватывало дух.
Её увидев, старенький петух
Чуть не свалился в ужасе с забора,
Воскликнув по душевной простоте
От блеска драгоценного металла:
«В какой росла ж ты в жуткой нищете,
Что столь убогим разум воспитала?!»

ОТЦЫ И ДЕТИ

Ах, эти дети! нежности цветы.
Мы их растим, лелеем, но бывает,
Чем больше мы им дарим теплоты,
Тем сердце их быстрее остывает.
И мы добра всё ищем от добра!
О том, как раз, и поведем мы речи.
Сынка однажды, усадив на плечи,
Отец пошёл на рынок со двора.
Такую вот заботливость отца
Родители высмеивать не станут.
На рынке жизни глупого юнца
Злодеи и обидят, и обманут.
Ну кто б своё дитя не пожалел?
О жалости родительской – подробней.
Прошли года, ребёнок повзрослел,
На шею перебравшись поудобней.
А там лишь знай, что папу торопи:
«Купи мне то, и это вот купи!»
Куда на рынке от соблазнов деться?
И то хочу, и это подавай!
А папочке лишь только успевай
По всякой детской прихоти вертеться.
Для сына и старался, и радел,
Хоть тот уже давно обородел,
А всё твердил заученную фразу:
«Всё, папа, «Дай»! А, папа «На» – ни разу!»
Вот этим–то, как раз, и потрясает
Родительской заботы феномен.

Хоть руку ту, что кормит, не кусают,
Но ничего и не дают взамен.

ДВА ФИЛАНТРОПА

От знаний умный силы ищет,
А глупый получает без труда.
Где вьётся тропка вдоль пруда
Сидел убогий хмурый нищий.
Кишела рыбою вода.
Был на базар тот пруд похожий.
Была у нищего уда,
А он всё клянчил у прохожих:
«Голодному подайте, господа!»
И вот одной из божьих троп
Шёл как–то мимо филантроп.
Увидев нищий облик жалкий,
Он обучил его рыбалке.
Ведь тот, кто знаньем обладал,
Уж никогда не голодал.
Но вскоре там же утром рано
Шёл филантроп другого плана.
Взглянув на нищенский улов,
Тот благодетель именитый
Дал рыбаку без лишних слов
Брусок взрывчатки – динамита.
И научил себе под стать,
Что делать с ним, и где достать.
Взял просто так и удружил.
С тех пор в пруду никто не жил.
Сему есть в басне толкованье
И вразумительный ответ.

Дашь дураку образование,
Так он погубит целый свет.

ГЛУПЕЦ И БЕСТОЛКОВЫЙ

По морю жизни на челнах,
Пустившись в путь рисковый,
Гребли, качаясь на волнах,
Глупец и бестолковый...
Один на греблю вид имел,
Да с вёслами не ладил.
Другой и вовсе не умел,
И был умом внакладе.
Вот так и плыли день-деньской.
И, стало быть, не новость,
Что вскоре с глупостью людской
Столкнулась бестолковость.
Разбились в щепки их челны,
Круша борта носами.
А те, кто их спасать должны,
При этом гибли сами.

И свет увидит свой конец,
Скажу в последней строчке,
Коль бестолковый и глупец
В одной столкнутся точке.

ФИЛОСОФ И ПЬЯНИЦА

На праздник по дороге в Парфенон
Шагал мудрец по имени Зенон.
А следом на почтенномрасстояньи
Ступал за ним нетрезвый афинянин.
Философа случайно повстречав,
Он шёл за ним и блажью докучал.
Всё толковал доходчиво вполне
Об истине, что кроется в вине,
И сколь процесс её познания приятен:
«Хлебнул глоток, и мир вокруг понятен,
Да вот в речах – словесный бурелом,
И мысли языку не поддаются.
Меня послушав, жители смеются
И величают истинным ослом.
Хоть всяк вином не жажду утоляет».
Мудрец вздохнул: «Ты прав, наверняка.
Кто этой истиною злоупотребляет,
Тот чаще и похож на дурака».

МУЖИК И ГРАБЛИ

Однажды по дорожке, по лесной
Куда–то шёл мужик честной.
Никто ещё не видывал такого!
О пройденном вздыхая горячо,
Он шёл вперёд и как–то бестолково,
Оглядывался вспять через плечо.
А на пути, утерянные с лета,
Валялись грабли на дороге где–то.
Уж то–то он ругался и вопил,
Когда на эти грабли наступил!
Хоть по лбу и досталось рукояткой,
А шёл мужик по–прежнему, с оглядкой.
И грабли попадались под пятой
С какой–то постоянной частотой.
Мужик в ответ на лешего блажил,
Мол, грабли по дороге разложил,
Крестился и плевал через плечо.
И вдруг услышал: «Я-то тут при чём?
Хоть я и бес, скажу, как другу,
Ты, глядя вспять, идёшь по кругу,
И не понять тебе, невеже,
Что грабли тут одни и те же!»

А вот тому достойный эпилог:
История – ошибок каталог,
На лбах записанный дубовой рукояткой.
И сколь её уроков не тверди,
Когда живут на прошлое с оглядкой,
То грабли не увидеть впереди!